

Лидия Чарская

Лишний рот

Лидия Алексеевна Чарская

Лишний рот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634915

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

«Лишний рот» – повесть о мальчишке-сироте Васе, которого приютил священник отец Паисий. По-разному относятся к приемышу в семье священника. Кроме семерых ребятишек в доме живет мелочная и сварливая свояченица Лукерья Демьяновна, которая вечно попрекает мальчика, называет «лишним ртом», наваливает на его плечи самую тяжелую работу. Но благодаря великодушию, душевной чистоте и стойкости характера Васи отношение к нему постепенно меняется. После долгого времени тоски и одиночества он, наконец, чувствует себя дома, в родной семье, где его любят и ценят.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	28
Глава четвертая	40
Глава пятая	47
Глава шестая	61
Глава седьмая	74

Лидия Алексеевна Чарская Лишний рот

Глава первая

Отец Паисий, священник бедного пригородного слободского прихода, только что закончил свою вечернюю молитву и, сбросив с себя подрясник, готовился лечь в постель, как неожиданный стук в дверь заставил его вздрогнуть и насторожиться.

Стучали в сенях. Был двенадцатый час ночи, и поздний посетитель не мог не удивить отца Паисия. На улице стояла непроглядная январская вьюга, крутила метель, залепляя редкие слободские фонари, и нестерпимо жутко выл-завывал ветер. Отец Паисий снова запахнул на себе сброшенный было подрясник и торопливо прошел в сени.

– Кто тут? – повышая голос, бросил он в темноту.

– Батюшка, до вашей милости пришли. Не откажите прийти напутствовать умирающую. На ладан дышит, необходимо поисповедать, причастить и отходную прочитать над нею. Помрет к утру, по всей веро-

ятности, – глухо звучал как будто знакомый батюшке голос за дверью.

– Кто умирает-то? – осведомился священник, снямая тяжелый крюк у входа и пропуская позднего гостя в сени.

– Да бобылка слободская, здешняя... Муж-то давно помер, а она на здешних наших пригородниц портняжила. Дюже захворала бедняга. Соседи мы, я башмачник Иванов, коли милость ваша, отец Паисий, признать изволите, – вашего прихода тоже; так не откажите к Федосьевне, Христа ради, пройти...

– Хорошо, хорошо, пройду. Господь в своей милости никому отказывать не станет... А нам, грешным, и подавно воле его следовать должно. Что на улице-то крутит, голубчик? – спросил батюшка.

– И-и, как крутит, отец Паисий. Прямо-таки зги не видать. Фонарь-то нелишне прихватить будет вашей милости, уличные то и дело от ветра гаснут... Страсть разыгралась как непогодушка нынче.

– Ладно, ладно, и фонарь возьмем, – откуда-то уже из дальней комнаты долетел сюда голос батюшки. А минут через десять из домика священника, находившегося близ кладбища, около деревянной скромной церкви, вышли две темные фигуры и замаячили среди метели по слободской улице. Впереди шел с фонарем в руках сапожник Иванов, позади его отец Па-

исий, держа одной рукою дароносицу и серебряный крест и Евангелие для исповеди, завернутые в епитрахиль, другую то и дело запахивая верхнюю одежду.

Ветер рвал нестерпимо и валил с ног путников. Вьюга залепляла им глаза. Метель свистела в уши. С трудом миновали широкую улицу и вышли на площадь, где приезжие окрестные крестьяне торговали сельскими продуктами в базарные дни. Отсюда свернули в переулок, где тоже бушевал ветер и хозяйничала разозлившаяся вьюга. Около покосившегося домика с двумя крохотными оконцами и оторванной ветром вывеской, надпись на которой менее всего можно было рассмотреть сейчас, сапожник остановился:

– Вот сюда пожалуйте, батюшка. Да поостерегитесь, ступеньки у них подгнили, того и гляди, провалятся, – предупредил он и, поддерживая под локоть священника, помог ему взойти на крыльцо.

Уже в сенях отца Паисия встретил запах лекарств и то неуловимое, сопровождающее присутствие тяжело больного в доме настроение, которое определить словами нельзя и которое можно только прочувствовать. Бледная полоска света, игравшая под недоходящими до пола дверями, помогла пришедшим найти и самую дверь. Сапожник пошел первый, за ним проследовал батюшка. В комнате, освещенной огарком,

находилась несколько женщин. Они о чем-то усиленно совещались, чуть приниженными голосами, окружая постель, или, вернее, нечто похожее на постель – состоявшую из жесткой широкой лавки, с брошенной на нее подушкой и каким-то грязным тряпьем, заменяющим матрац. На этом тряпье лежала худая, как скелет, желтая женщина с изможденным лицом и глубоко ушедшими в орбиты глазами. Она тяжело дышала широко раскрытым, запекшимся ртом. Искаженное лицо ее выражало нестерпимое физическое страдание, казалось, глаза ее смотрели, уже ничего не видя... С глухим хрипом поднималась и опускалась ее впадая грудь.

При виде вошедшего священника женщины засуетились и заметались по комнате.

– Батюшка пожаловал... Слышь, Федосьевна, исповедаться бы да Св. Тайн приобщиться тебе, – наклоняясь к самому уху больной, произнесла старая слобожанка, за которой давно укрепились репутация ученой лекарки-знахарки за то, что она лечила своими собственными примитивными средствами слобожан.

Но больная на заявление лекарки ни словом, ни движением не дала понять, что слышала ее. Глаза Федосьевны, пустые и жуткие, по-прежнему ничего не выражали, а рот продолжал с хрипом выбрасывать дыхание.

– Никак кончается? – выразила предположение лекарка. – Батюшки, отец Паисий, поспешите отходную читать.

Священник приблизился к иконе, чтобы совершить последний обряд над умирающей. Отысповедовал глухую исповедью больную и, раскрыв над головою ее требник, засветил тоненькую восковую свечу и начал читать отходную.

Не успел докончить молитвы отец Паисий, как что-то бурно заклокотало в груди больной и на губах ее выступила кровавая пена. Все тело умирающей дрогнуло, и Федосьевны не стало. Душа ее отошла в лучший мир. Отец Паисий медленно осенил крестом умершую, дочитал над нею молитву и стал снова заворачивать крест и требник в епитрахиль. Вокруг с громкими причитаниями суетились женщины. Кто-то всхлипывал, кто-то плаксивым, нарочито жалобным голосом причитывал, жалея какого-то сироту. Неожиданно широко распахнулась дверь из сеней и в горницу стремительно вбежал мальчик лет двенадцати. Часто, через несколько месяцев спустя, отец Паисий, рассказывая об этом случае, добавлял, что никогда не забыть ему того отчаянного, безнадежного крика: «Мама!», – каким огласил комнату ребенок, не забыть и того ужаса, который отразился на его худеньком, бледном лице.

Это был Вася, единственный сын покойницы. С тем же раздирающим душу воплем Вася бросился к матери, обхватил ее начинавшее уже холодеть тело, прижался лицом к ее груди и так и застыл без слов, без движений. Женщины замолкли сразу, подавленные видом этого безысходного чужого страдания.

Отец Паисий, направлявшийся было в сени, приостановился и тоже не отрывал глаз с обезумевшего от горя мальчика.

– Один, как есть один, сиротинкою круглым остался на свете, – произнесла сочувствующим голосом слободская знахарка. – А как Федосьевна-то его жалела, болезная! Ведь единственной утехой он рос у нее...

– Куда же теперь денется мальчик? Есть у него близкие, родственники? – осведомился священник.

– Какое, батюшка! Ведь приезжие они, и сказывают люди, никого-то у них: ни только что близких, но и дальних на свете нет. Совсем на улице очутился бедный. Жаль до слез парнишку. Да ничего не поделаешь. Противу господина не пойдешь. Он, батюшка милостивый, ведает лучше нас, грешных, что нам определено. А все же кабы не были мы сами в нужде да в лишениях, каждая бы из нас с охотой мальчика-сиротинушку к себе в дом приняла. Уж больно тихий да добрый парнишка и услужливый, да вежливый такой... – говорила женщина, утирая кончиком шейного платка

мокрые от слез глаза. Она казалась вполне искренней в своем участии. Отец Паисий перевел с нее глаза на Васю. Теперь он уже не лежал ничком на груди матери. Его бледное, перекошенное судорогой страдания личико было все орошено слезами, – безутешными слезами высшего человеческого отчаяния, с которым, казалось, не сравнится никакое другое горе. Большие серые глаза мальчика, полные слез, с мучительным недоумением впивались в восковое лицо умершей.

– Зачем? Зачем ты ушла от меня, мама? – казалось, спрашивал этот взгляд, и худенькие рученьки все крепче и крепче сжимались у груди мальчика.

Невыразимое чувство жалости обожгло душу отца Паисия. Картина этого неподдельного, покорного, безропотного горя всколыхнула его. На глазах самого священника выступили слезы. Он тихо приблизился к мальчику, положил ему руку на плечо и, наклонившись к его лицу, проговорил:

– Тяжелый крест посылает тебе господь, дитя мое, но надо нести его безропотно... Видно, испытание тебе дает он, наш творец милосердный. Выплачься, мальчик, не сдерживай своего горя, а там молиться будем вместе за упокой души твоей матери. Плачь, дитячко, плачь, в слезах легче переносится горе.

Но Вася уже не слышал добрых, сочувственных слов отца Паисия. Он снова упал на грудь матери го-

ловую, и все его худенькое тело сотрясилось теперь от неудержимых рыданий.

Получасом позднее отец Паисий шел обратно к церковному домику, предшествуемый башмачником, несшим фонарь. Он вел за руку Васю. Еще там, в домике покойной Федосьевны, священник решил взять к себе в дом сироту. Когда он объявил об этом Васе, мальчик безучастно взглянул ему в лицо своими грустными глазками и не произнес ни одного слова. Смерть матери сразила ребенка. Теперь он машинально шагал по улице подле своего неожиданного благодетеля и думал все одну и ту же неотвязную думу: «Мама умерла... умерла моя мама... Что я буду без нее делать теперь?.. Как мне жить без родимой!» И тут же до мельчайших подробностей припоминалась ему мать, не сегодняшняя холодная, молчаливая покойница, а та, живая, несказанно дорогая, которая ласково проводила по лицу Васи своей исколотой иглою рукой, которая называла своим «соколиком» и «голубчиком» его, Васю, и так нежно заботилась о нем всегда. Вспоминались ему их долгие-долгие вечера, когда мать, стуча машинкой, шила бесконечные юбки и кофты на слободских франтих, а он, Вася, готовил уроки к следующему дню или читал матери что-нибудь божественное. Учился он в слободском училище вот уже два года и очень старательно готовил

свои уроки. А потом, покончив с ними, долго беседовал с матерью. Вася рассказывал ей о своих занятиях в училище, о товарищах и учителях, а Федосьевна внимательно слушала, стараясь не пропустить ни единого слова своего любимца. По праздникам мать и сын всегда вместе отправлялись в церковь. Возвращались они оттуда торжественные, радостные, примиренные с нуждою, ели свой более чем скромный обед, потом шли вместе гулять за пределы большого огорода, за слободскую черту, подальше от людей и шума их суетливой жизни. Мать рассказывала Васе об отце, которого мальчик мало помнил. Иногда делилась с сыном своими надеждами на лучшее будущее, мечтала вслух о том времени, когда дела их поправятся немного, когда излишек работы даст, наконец, возможность выбраться из когтей острой нужды и они с Васей заживут мало-мальски сносной жизнью. И вот вместо этих радостных надежд – смерть, разрушившая все, раздавившая счастье Васи, отнявшая у него мать, единственную радость и опору его жизни. Как неожиданно, как жутко подкралась она! Как нелепо обрушилась со своею страшною косою на их крошечную семью! Ведь еще недавно, неделю тому назад, мать была здорова, хотя и худа и слаба неимоверно. Все-таки же двигалась она, говорила, ласкала Васю. А теперь так далека стала она ему, так ужасно

далека!..

И теперь уже выплыл в воображении мальчика другой, новый образ матери, матери покойницы, матери – умершей, которую он оставил сейчас в углу под образом своего убогого жилища.

Завтра он вернется к ней вместе с бабушкой отслужить панихиду, но она уже не встретит его своей обычной ласковой улыбкой, своим добрым, любящим взглядом или участливым, полным тепла и нежности словом.

И опять глухие рыдания заклокотали в груди мальчика, и снова весь затрепетал Вася от охватившего его острого порыва горя...

Глава вторая

– Вот вам новый товарищ, ребяташки... Обижать его мне не смейте... Он, бедняжка, мать потерял только что. Сирота круглый. Утешьте его, как можете. Господь бог указал нам жалеть и любить сирот. – И, говоря это, отец Паисий тихонько толкнул вперед Васю в сторону толпившихся у чайного стола детей.

После вчерашней метели погода совершенно неожиданно изменилась к лучшему. Солнышко весело заглядывало в скромные горницы церковного дома. Было светло и уютно в небольшой столовой, где весело пыхтел пузатый самовар и оживленно шушукались о чем-то дети. Их было семь человек. Старший, гимназист Митинька, худенький, с вытянутым лицом и чернильными пятнами на пальцах, четырнадцатилетний подросток, за ним двенадцатилетний Киря, тоже гимназистик, белокурый, плотный, с задорными огоньками в серых бойких глазах мальчуган, одиннадцатилетняя Майя, бойкая, живая девочка с пронырливой, хитренькой мордочкой лисички, и девятилетняя Люба, бледная, худенькая с задумчивыми глазами девочка. Затем шло еще трое малышей: Шура и Нюра, две девочки-погодки шести и пяти лет и хорошенький трехлетний карапузик Леша. За самоваром

сидела сестра покойной жены отца Паисия, девица лет сорока пяти с неопределенного цвета жидкими волосами и желчным, недовольным выражением кислого лица, – Лукерья Демьяновна.

Вася, приведенный сюда поздно ночью накануне отцом Паисием и не встретивший за поздним временем никого из членов семьи, теперь, в восемь часов утра, нашел всю семью в сборе за утренним чаем.

Мальчик, не сомкнувший ни на одну минуту глаз за всю эту ночь и проворочавшийся до утра на узком, клеенчатом диване в комнате своего благодетеля, теперь едва держался от слабости на ногах. А между тем восемь пар глаз были устремлены на него с самым жадным любопытством. Он весь вспыхнул под этими настойчиво разглядывавшими его как диковинную зверюшку взглядами, весь съежился и не знал, куда девать руки и ноги.

– Ну вот, садись, мальчик, выпей чаю с молоком и с ситным... Подкрепись хорошенько, а потом пойдем панихидку отслужить по твоей матери. Завтра ее хоронить будем. Надо, чтобы честь-честью все было, как у людей... Да ты садись, не смущайся, никто тебя у нас не обидит. Митинька, ты старший, возьми его под свою защиту, тебе его поручаю, – и, говоря это, отец Паисий усадил Васю, подставил ему только что налитый Лукерьей Демьяновной стакан горячего чаю

и, взяв из сухарницы большой ломоть ситного, положил его перед мальчиком.

Дети, повскакивавшие было с мест при появлении гостя, снова расселись вокруг стола.

– Что же он, жить будет с нами, папаша? – осведомился басом четырнадцатилетний Митинька, давно уже считавший себя взрослым, самостоятельным человеком.

– Да. Авось в тягость не будет. Мальчик славный и почтительный. Все его знают в слободе. Деться ему некуда. Нас не объест пока что, а там – посмотрим.

– Вот нужда была такую обузу на плечи себе взваливать, – забормотала себе под нос Лукерья Демьяновна, – своих у нас ртов мало, что ли, забот да хлопот и без него найдется. Уж больно вы милостливы, братец. – И маленькие глазки старой девицы окинули Васю недружелюбным взглядом.

Отец Паисий с укором взглянул на свояченицу.

– Полноте, сестрица, – заговорил он миролюбиво, – полноте бога гневить, все мы, слава тебе, господи, сыты, одеты и обуты, а где восемь-девять душ ублагодворены, там ублаготворится и десятая. Не объест наших птенцов чужой птенец, пришлый. Ведь сирота он круглый: ни отца, ни матери, пожалуй его надо.

– И-и, всех-то сирот не пережалеешь, братец! – фыркнула свояченица. – Вот поглядите-ка лучше, у

Любы платье-то все в заплатках, девчонки в школе смеются, а у Кири сапоги давно каши просят.

– У меня, папаша, действительно сапоги того... проголодались, – с шаловливыми искорками в бойких глазах заявил Киря.

– Ну-ну, хорошо, и платье Любаше и сапоги Кире будут... Все будет, дайте срок справиться, – как-то виновато, застенчиво произнес отец Паисий. И снова обратился к своему соседу Васе: – Ну-ну, мальчик, пей чай. Горе-то горем, а и подкрепиться следует. Силы-то молодые, хрупкие, их пожалеть надо.

– Другие-то священники, – забубнила снова своим неприятным шипящим голосом Лукерья Демьяновна, – в дом несут, а вы, братец, норовите блюсти чужой интерес больше собственного. Вон скольким помогаете: венчаете, да хороните, да крестите даром... А что толку, уважения вам от того больше разве? А сейчас-то лишний рот в семью навязали, подумаешь тоже – доходно как! Провизия-то нынче – ни приступись, дорого как! Намедни мясо на базаре на две копейки на фунт вздорожало, а вы...

– Довольно, довольно, уши вянут слушать, что вы говорите, сестрица. Пойдем к покойнице, Василий! – решительно заявил отец Паисий мальчику, который через силу проглотил кусок ситного и запил его чаем.

Мальчик, испуганный и встревоженный только что

слышанным разговором, стремительно вскочил с места и, не поднимая глаз, бросился следом за отцом Паисием к двери.

– Поблагодарить за чай не мешало бы, – прошипела ему вслед Лукерья Демьяновна, – вот деревенщина-то, простого приличия не знает, – добавила она, рассерженная вконец на Васю за то, что тот, не услышав ее замечания, не вернулся назад.

– Не всякое лыко в строку, тетенька, – делая серьезное лицо, вступился Митинька, методически прихлебывая чай из стакана. – До того ли ему? Слышали сами, мать у него умерла...

– Это не мешает, однако, вежливым быть, – не унималась Лукерья Демьяновна, и вдруг, заметя вертевшегося у самовара Лешу, неожиданно обрушилась на него.

– Ты чего здесь толчешься? А? Обвариться хочешь? Вот постой ты у меня! – И увесистый шлепок заключил эту короткую, но внушительную тираду.

– Оби-за-а-ют! – неистово завопил Леша, раздражаясь пронзительным плачем.

– Ну, слава те, господи, давно рева не слышали, начинается! – морщась, как от боли, проронил Митинька.

– Утренний концерт – и то на безделье дело, а главное, даром, – вставил Киря.

– Хи-хи-хи! – закатилась пронзительным смехом Маня.

– Не надо обижать Лешу, – краснея до лба и волнуясь, заговорила Люба, быстро вскакивая со своего стула и направляясь к плачущему мальчику. – Покойная мамочка так жалела Лешу, так просила, умирая, не обижать его, – заключила она, взглянув с укором своими большими грустными глазами на тетку. Потом присела на корточки перед все еще безутешно плачущим малюткой и утешала его, глядя по головке своей худенькой, маленькой ручонкой.

Нюра и Шура, две белобрысенькие девочки, тоже подошли к младшему братишке и к Любе.

Лукерья Демьяновна при виде этой сцены нимало не смягчилась...

– Сейчас же перестать реветь у меня, Леша! – прикрикнула она на малютку. – А ты, Люба, не изволь глупостей говорить, никто не обижает это сокровище. Недотрога какой, подумаешь, слова не скажи, сейчас в рев...

– Хрупкая штучка, что и говорить! – вставил Киря.

– Мальчики, в гимназию. Маня и Люба, марш тоже, а то опоздаете и опять жалобы на вас пойдут. Да Софку мне позовите, она в сенях отцовскую рясу чистит... Митя, ты просил, кажется, вчера на карандаши? – деловито распорядилась Лукерья Демьяновна.

– Просил, тетенька, – пробасил Митя.

– Киря с тобой своими пока что поделится. Теперь не до покупок. Небось слышал: новый рот отец навязал семье. Каждый грош теперь дома пригодится; значит, обойдешься и без карандашей до поры до времени.

– То есть как же это так? – пожал плечами Митинька.

– А вот и так... Чужие сыты, а свои должны нуждаться во всем, такая мода, стало быть, нынче пошла, – с кривою улыбкой проговорила тетка.

– А нам учительница велела к сегодняшнему дню всем учебник новый по математике купить, – заикнулась было Маня.

– Ладно, подождешь и ты. Не принцесса какая... Сейчас ей вынь вот да подай учебник, цаца тоже какая выискалась, – прикрикнула на девочку Лукерья Демьяновна.

Маня надулась.

– Я у папаши спрошу, коли вы не даете, – буркнула она, демонстративно отодвигая с шумом стул от стола и направляясь к двери.

– Семейная сцена! – делая комическую гримасу, произнес Киря.

Но Лукерья Демьяновна уже не обращала внимания на детей.

Из кухни просунулась голова пятнадцатилетней служанки Софки, чрезвычайно любопытной особы, с ухарски вздернутым носом, большой приятельницы старшей девочки Мани.

– Звали, Лукерья Демьяновна? – шевеля своим удивительным носом, поинтересовалась она.

– Вот что, Софка, ты на котлеты мяса уже нарезала? – с деловитым видом осведомилась Лукерья Демьяновна.

– А нешто коклетки нынче будут? – вопросом на вопрос отозвалась Софка.

– Ну, понятно, котлеты, сейчас приду стряпать. Булки побольше положить надо нынче. Лишний рот с сегодняшнего дня у нас появится, так чтобы хватило, слышишь, на всех.

– А што ж это, на всегдашнее время таперича мальчонка чужой у нас останется харчевать? – полюбопытствовала Софка.

– Не твое дело, ступай.

– Сами же звали.

– Тебе говорят, ступай!

– Битва русских с кабардинцами, или прекрасная Софка, догоняющая тетушку Лукерью Де... – начал было Киря и вдруг закричал неожиданно благим матом на всю квартиру: – Манька, Манька, что ты мой ранец спулила... Вот безголовая-то... Возьми глаза в

руки да посмотри, что напяливаешь на спину, свое или чужое.

– А ты так не смеешь с сестрою разговаривать, я все-таки дама, – обиделась Маня.

– Тетя, велите даме мой ранец отдать, – горячился Киря.

– Ах, ты, господи! Вот содом-то! Вот наказание божеское! – всплеснув руками, воскликнула Лукерья Демьяновна, выскакивая из кухни. – Что мне делать с этими детьми? Создатель мой, как справиться с ними! И распустил же их себе на голову отец Паисий. Пошли вон, в школу, сейчас же пошли вон! – взвизгнула она не своим голосом на весь Дом.

– Боже мой, да не кричите же так, тетенька, необедительно это, – спокойно произнес Митинька.

Тетка только рукой махнула и, сильно хлопнув дверью, прошла снова в кухню стряпать незатейливый обед. Софка последовала за нею.

В столовой теперь остались только малыши. А Митинька и Киря шагали в это время по улице с ранцами за плечами. Маня и Люба, подпрыгивая на ходу, чуть ли не бегом бежали в свое епархиальное училище, где старшая девочка училась во втором, а младшая в первом классах. И братья, и сестры сейчас говорили о живо затронувшем их новом событии, о приобретении нового члена семьи в лице Васи. Кире Вася не

понравился с первого же взгляда.

– Туфля, размазня какая-то, не нашего полка! – решил безапелляционным тоном мальчик, то и дело останавливаясь по дороге, собирая снежные комья в руку и целясь ими во встречные фонарные столбы.

Митинька, считавший себя несравненно умнее всей семьи Волынских, только презрительно пожал плечами в ответ на слова брата.

– Ты глуп, – отвечал он, как отрезал, своим ломающимся баском, – когда у нас умерла мать, мы раскисли не менее...

– Да он, вообще, по-видимому, калоша, – не унился Киря.

– Почему калоша, а не что-нибудь иное? Ну, положим, апельсин? У вас, второклассников, всегда такие примитивные сравнения, – продолжал убийственно-хладнокровным тоном Митинька, заставив покраснеть брата.

Киря, отъявленный сорвиголова, почему-то робел перед старшим братом и признавал его авторитет четвероклассника.

Он помялся от неожиданного смущения, крепче сжал комок снега и с отчаяния швырнул им в пролетавшую мимо ворону.

Ворона каркнула и исчезла вдали.

Мальчики подошли к зданию гимназии. Разговор о

Васе прекратился сам собою. Зато почти такой же разговор на однородную тему еще продолжался между двумя маленькими епархиалками.

– Какой милый этот Вася. Настоящий милый и хороший мальчик. Ти-хонь-кий! – говорила Люба, стараясь своими маленькими ножонками поспеть за старшей сестрой.

– Вот уж ровно не нахожу ничего в нем милого, – фыркнула Маня. – Тихенький потому только, что пока себя показать еще не успел. Все они тихони с первого взгляда. Погоди, узнаешь его еще. Хуже Кирьки нашего будет. Препротивный мальчишка, по-видимому.

– Почему же все-таки противный? – не унималась Люба.

– Да уж потому, что тетка из-за одного его появления в доме нас урезывать станет. Кире в карандаше отказала, мне в учебнике. Еще не то будет. Пожалуй, если во всем другом экономию напустить, очень это все приятно будет, нечего сказать!

– А по-моему, почему бы и не потесниться немножко ради другого. Ведь мы сироты, и он сирота. Он бедненький! Мне его жалко, Маничка: как ему, должно быть, тяжело без матери!

– Ах, только не реви ты, пожалуйста, и без тебя тошно. Математик не велел без учебника носа в класс показывать, а откуда его взять-то! – досадливо по-

вела плечами Маня, бросив косо́й взгляд на сестру, большие серые глаза которой действительно наполнились в эту минуту слезами. Любу, ангельски добрую и отзывчивую, мало кто понимал из старших детей. Это была какая-то исключительно нежная натура, забывавшая всю себя ради других. Она была любимицей отца Паисия, который за всю свою долголетнюю жизнь сделал столько добра, принес столько незаметных по виду, но крупных услуг людям, что вся слобода и ее окрестности знали и любили «добрého батюшку» как родного отца.

Бескорыстие и великодушие отца Паисия вошло у слобожан даже в поговорку.

– Добр, как батюшка, отец Паисий! – говорили они. И правда, он помогал беднякам направо и налево и, стесненный сам большо́ю семьею, делал все, что было в его силах, ради блага других людей. Оттого семья батюшки жила более нежели скромно, исключительно на маленькое жалованье главы семейства, потому что за исполнение церковных треб отец Паисий ничего не брал с бедных прихожан.

После смерти жены, умершей вскоре после рождения Леши, отец Паисий пригласил в дом ее сестру, свояченицу Лукерью Демьяновну, воспитывать его семерых ребятишек и вести его несложное вдовье хозяйство. Свояченица Лукерья Демьяновна сразу

энергично принялась за возложенное на нее поручение. Незлая от природы, но мелочная, придирчивая и раздражительно-сварливая, она не могла дать особого удовольствия своим присутствием в семье. Но это была единственная близкая родственница, наблюдению которой отец Паисий мог смело поручить свое многочисленное потомство.

На следующее утро хоронили Федосьевну. Падал мокрый снег. Назойливо пел в уши ветер. С неприятным карканьем метались по кладбищу голодные вороны. Печально звучал заунывный голос отца Паисия, выводивший совместно со старым псаломщиком «Вечную память». Наконец, слобожане – соседи покойной – опустили убогий гроб-ящик в могилу, закопали яму и водрузили над насыпью убогий, самодельный крест. Вася, не проронивший за все время отпеванья и похорон ни единой слезинки, теперь бросился ничком на дорожную могилу и замер у подножия креста.

Из уважения к чужому горю отец Паисий отошел в сторону и терпеливо ждал минуты, когда опомнится мальчик. Ушел старенький псаломщик, ушли слободские соседи и соседки покойницы, пришедшие отдать ей последний долг, а Вася все лежал и лежал с отчаянием в душе, с целым хаосом в голове безотрадных тяжелых мыслей. Только худенькое тело его вздра-

гивало конвульсивно да беспокойно двигались руки, словно гладившие и ласкавшие насыпь дорогой могилы.

Тихо приблизился к мальчику отец Паисий.

– Встань, Васюта, пойдём домой, грешно так отчаиваться, мальчуган. Господь дал, господь и взял, покоряться надо его святой воле, – и, осторожно, но энергично взяв за руку мальчика, добрый священник повел его с кладбища.

Вася послушно следовал за ним, а вместе за мальчиком последовали и его беспросветные мысли и безграничное отчаяние и печаль.

Глава третья

Тусклое, студеное, январское утро. Едкий и сырой туман повис над слободой и окутал своей серой непроницаемой пеленой и слободские улицы-переулки и бродившие по ним фигуры людей. Было шесть часов утра, и бледный зимний рассвет слабо боролся с туманом.

В домике священника едва начиналась жизнь. Софка только что поставила самовар на кухне и собиралась идти на рынок. Заплетая свою жиденюкую, похожую на крысиный хвостик косичку, она пугливо поглядывала в окно.

– То есть и погодка же нонече! – вздохала Софка. – И как то есть в таку туманину на рынок идтить? Васенку попросить, што ли? Лукерья-то Демьяновна не узнает, кто был. Сама она вчерась сказывала, что не пойдет нонче. Ноги у нее болят чего-то перед погодой. Васинька, а Васинька, – крикнула в сени Софка, – сходи, што ль, на рынок за меня, мил человек! А?

– Хорошо, схожу! – послышался из темноты сеней голос Васи, и сам он появился вскоре на порог кухни с пальцами, вымазанными ваксой, и с сапожными щетками под мышкой. В запачканных пальцах он умудрился нести семь пар детских сапог, высокие са-

поги батюшки и широкие комнатные шлепанцы Лукерья Демьяновны. Все это было тщательно начищено и блестело как зеркало при свете кухонной лампы.

– Ишь ты, как расстарался! – не могла не восхититься его искусной работой Софка.

– А у Кири-то подошва отскочила, – у меня есть дратва да игла башмачная, вот я и починю, – произнес, сам с собою разговаривая, Вася и полез в дальний угол кухни, где стоял его убогий сундучок, за необходимым для починки башмака материалом.

– Стало быть, на рынок пойдешь? – еще раз осведомилась Софка, пока мальчик ковырял иглою в Кирином сапоге.

– Если надо, пойду, – отозвался Вася. Несколько минутами позже он бежал уже быстро, вприпрыжку по направлению слободской площади, куда аккуратно каждое утро привозили окрестные крестьяне на продажу все необходимое для бедных обитателей слободы.

К семи часам Вася был уже дома с запасом хлеба, мяса, муки и картофеля. Теперь надо было будить Митю и Кирю. Это была настоящая мука, самая неприятная обязанность, которую возложила Лукерья Демьяновна на плечи покладистого, покорного мальчика.

Митинька на все уговоры и напоминания о том, что уже время вставать, только мычал и беспомощно мо-

тал голову. Зато Киря бранился и работал кулаками каждый раз, что Вася делал попытку приподнять его голову с подушки или потрясти за плечо.

Ах, это было такое наказание, такая мука для Васи!

– Дурак! Отстань от меня, не то сапогом хвачу! Убирайся! Убирайся, покуда цел! – неистовствовал спрсонок Киря. И только при помощи энергичного окрика Лукерьи Демьяновны, поспешавшей на эту сцену, удавалось разбудить и поднять неистовствовавшего гимназиста. Отсюда Вася, по приказанию хозяйки, отправлялся одевать Лешу. Впрочем, это была самая приятная для него изо всех других обязанность.

Трехлетний Леша, за две недели пребывания Васи здесь у них, в доме, успел привязаться к последнему со всем жаром маленького, бескорыстного человечка.

Чуткая, покорная и незлобивая натура Васи невольно привлекала к себе сердца хороших и чутких людей и добрых и ласковых ребяташек, и вся младшая «половина» семьи Волынских – Люба, Шура, Нюра и Леша особенно привязались к Васе. Полюбил его и отец Паисий, успевший лучше всякого Другого понять и оценить милого мальчика.

Что же касается Митиньки, то, считавший себя первым колесом в телеге, самым умным и полезным членом семьи, он вполне игнорировал Васю, считая его чем-то вроде слуги, и обращался с ним свысока.

А Киря и Маня, те просто невзлюбили мальчика. Отец Паисий постоянно ставил в пример Васю этим двум детям, учившимся из рук вон плохо в школе и приводившим своим непослушанием и резкостями не раз в отчаянье отца.

Невзлюбила Васю и Лукерья Демьяновна.

Она не переставала пилить свояка за то, что он принял мальчика в семью.

– Лишний рот себе только навязали, братец, – шипела она, в то же время не переставая наваливать на плечи мальчика самую разнообразную и самую тяжелую работу.

Отец Паисий, проводивший большую часть дня вне дома, ходя по делам в свободное от службы время, не мог видеть, во что превратили Васю в его семье.

Мальчик же работал не покладая рук, с утра до ночи. Покончив с одеванием Леша, он шел в столовую, где помогал Лукерье Демьяновне поить детей чаем. Когда старшие ребята уходили, он вел на прогулку младших. Шура, Нюра и Леша не отставали ни на шаг от их новой «нянюшки». Добрые, печальные глаза Васи, с ласковой грустью устремленные на детей, находили отклик в душах последних. Мальчик говорил мало и неохотно, но все его отношение к малышам было исполнено заботливости и ласки. После обязательной часовой прогулки, в хорошую погоду, они возвраща-

лись домой.

Тут начиналась самая тяжелая задача дня для Васи. Пока Лукерья Демьяновна готовила обед с Софкой на кухне, на обязанности Васи лежало приводить ежедневно в порядок домик отца Паисия.

Лукерья Демьяновна, да и сам отец Паисий особенно любили чистоту и порядок, поэтому полы в домике мылись ежедневно с мылом и щелоком. До появления в доме Васи этим делом заведовала Софка. Теперь же заботы по убранству комнат были возложены целиком Лукерьей Демьяновной на плечи нового члена семьи. Вася трудился на совесть. Только к обеду, к трем часам, управлялся он с уборкой и, уставший до последней степени, едва успевал привести себя в порядок, пообчиститься и помыться прежде, нежели сесть за стол.

Нынче обедали немного позже обыкновенного.

Туман, застлавший с утра слободу и город, не рассеялся и теперь, поэтому за столом горела керосиновая лампа. Отца Паисия не было. Он поехал напутствовать умиравшего старосту за восемь верст от слободы. Его ждали только к вечеру. Вся его большая семья сгруппировалась вокруг обеденного стола. Лукерья Демьяновна была нынче не в духе. Софка разварила мясо в супе и сожгла картофель. Хозяйка сер-

дилась и ворчала весь обед. Младшие же дети о чем-то шушукались и переговаривались между собою.

– На твою долю нынче мяса не хватило. Благодарю Софку, она виновата, ошиблась одним куском, – поджимая губы, бросила Лукерья Демьяновна в сторону Васи, передававшего тарелки с жарким детям.

Тот вспыхнул до корней волос, как это всегда случалось в такие минуты, когда старшие обращались к нему с каким бы то ни было вопросом.

– Это ничего, ничего; я и картошкой сыт буду, – поспешил ответить мальчик.

– То-то, картошкой! Небось и картошку-то не каждый день у матери видел, – не унималась хозяйка.

– Нет, они паштет из ворон кушали, – сделал попытку сострить Киря. Но засмеялась на его слова одна только Маня, восхищавшаяся выходками второго брата и старавшаяся Подражать ему во всем. Митинька презрительно пожал плечами и небрежно кинул по адресу Кири:

– Не осли!

– А у нас в училище нынче житие преподобного Сергия Радонежского рассказывали, – неожиданно подняла голос Люба, отличавшаяся всегда исключительной молчаливостью. – Вася, ты про Радонежского что-нибудь знаешь? – спросила она своего соседа по столу.

– Ну вот, где ему знать, – усмехнулся Киря.

– Ну, а ты-то сам знаешь? – прищурившись на брата, спросил Митинька.

– А то нет? Пришел святой Сергей и основал Киево-Печерскую лавру! – с апломбом доложил на весь стол Киря.

– Ну и врешь... То Феодосии Печерский, а не святой Сергей. Ну-ка, Василий, что он основал? – обратился Митинька к Васе.

Тот, красный как кумач, поспешил ответить. Он прекрасно знал жития святых и часто в долгие зимние вечера, пока его мать не разгибала спины над работой, читал ей «божественные книжки», которые очень любила покойная Федосьевна. И сейчас, толково, хотя и смущенно и тихо, рассказал Вася о маленьком мальчике Варфоломее, отмеченном с детства перстом господним, ставшим впоследствии великим отшельником и основателем Троице-Сергиевой обители, сыгравшей такую огромную роль в истории нашего государства.

Все это смущенно и тихо передал Вася за столом.

– Ай да Василий! Молодчиница! – похвалил Митинька. – Лучше историю знаешь, нежели наш лоботряс. Он сегодня два кола принес, кстати. В классе зимовать оставят – это уже аксиома и факт! – съехидничал Митинька.

– Не твое дело! – буркнул Киря, бросая то на брата, то на Васю уничтожающие взгляды.

– Ну, положим, дело-то мое, – спокойно продолжил Митинька, – потому что случись, не приведи господь, что с папашей, я за старшого останусь в семье и с таким оболтусом, как ты, мне же придется возиться. Будь ты таким работником, как Василий, понятно, слова бы не сказал, а то...

– Не смей, не смей меня позорить... Тетя, вы что же это меня ему в обиду даете? – вдруг громко, на весь стол, со слезами в голосе выкрикнул Киря.

– Кирилл! Это что? С ума ты сошел, так орать за обедом? – вышла из себя Лукерья Демьяновна. – Марш, вон из-за стола. Сейчас же вон! Тебе говорят! Без обеда останешься за невозможное поведение. Митя, выведи его вон!

И прежде, нежели Киря успел опомниться, старший брат встал со стула, подошел к нему, взял его за руку и повел из столовой.

– Так тебе и надо! Не груби старшим, не носи единиц домой! – приговаривал он.

Киря вздумал было упираться и хорохориться. Но Митинька был много сильнее младшего брата, несмотря на сравнительно маленькую разницу лет. Он сжал крепче руки Кири и вытолкнул его за дверь.

– Препротивный, я вам скажу, стал мальчишка, –

возвращаясь на свое место за столом и тяжело отдуваясь, произнес Митинька, – надо будет с папашей переговорить; все на него жалуются в гимназии, сладу с мальчуганом нету. Нынче же с папашей говорить буду. Ну, а ты, Василий, – неожиданно обратился Митинька к Васе, – что ты, совсем забросил ученье? А? Ведь теперь тебе в училище твое, поди, и вовсе ходить не досуг.

Вася, не ожидавший такого вопроса, снова вспыхнул до ушей.

– Да... нет... – растерянно пробормотал он.

– Что ты выдумал, Митинька, какое уж тут ученье, – раздражительно заговорила Лукерья Демьяновна, – небось и ты быть доволен должен и своего Создателя благодарить ежедневно и еженощно, что держат его из милости на чужих хлебах. Не каждый, по нынешним временам, лишний рот себе в семью навяжет... Не каждый... да...

– Ну, положим, Вася не объест и себя своим трудом всегда оплатит, – возразил Митинька.

– Вася работает по дому больше Софки, а Софка жалованье получает, а Вася нет, – вступилась и Люба.

– А тебя не спрашивают. Сиди и ешь, если не хочешь быть из-за стола выгнанной по следам братца, – зашипела на девочку Лукерья Демьяновна, раздавая всем тарелки с горячими оладьями, смазанными па-

токой.

Вася, полуголодный от того, что на его долю пришлись жалкие остатки пустого супа без мяса и несколько картофелин, помогал раздавать тарелки хозяйке. В это время Маня, сидевшая рядом с ним с другой стороны, изловчилась и предназначенную самому Васе порцию сладкого незаметно положила на свою тарелку. Этот маневр был, однако, замечен самою Лукерьей Демьяновной. И не столько жалость к сироте, сколько недостойное поведение Мани возмутило тетку. Она не выдержала и громко крикнула на весь стол:

– Маня! Это еще что такое? Как называют того, кто берет, присваивает себе чужое добро? Сейчас же в угол! Останешься без сладкого. Ну, живо!

Оконфуженной Мане оставалось только повиноваться. Багрово краснея, она встала из-за стола.

– Видно, что папаши дома нет нынче. Безобразие какое за столом делается! Слуга покорный, оставаться здесь с вами больше не хочу.

И Митинька, пользуясь привилегиями старшего сына, демонстративно громко двинул своим стулом и вышел из столовой, на ходу крестясь на образ и буркнув себе под нос «благодарю».

После обеда Вася немедленно прошел на кухню помогать Софке мыть посуду.

Это заняло, вместе с уборкой самой кухни, около двух часов. Затем приехал батюшка. Надо было поставить самовар, разогреть обед для главы семейства.

Незаметно прошел вечер. В девять часов пришлось укладывать спать Лешу. А потом долго рубить дрова в сенях и готовить растопки для завтрашнего утра.

Только в одиннадцатом часу вечера, когда весь дом спал крепким сном, Вася мог принадлежать на часок самому себе. Тихими, усталыми шагами прошел он к себе в уголок, в дальнем конце коридора, между платяным шкапом и комодом, где спал на старом батюшкином полушубке, положенном вместо матраца на сундук. Теперь только, уставший до полусмерти, мальчик мог вздохнуть свободно. Но о сне Вася сейчас и не думал даже. Ему предстояла еще долгая, хотя и сладкая обязанность, которую он выполнял ежедневно, каждый вечер, когда все укладывалось и затихало в доме. Это уже длилось с недели две с того момента, как стала затихать понемногу его острая скорбь по матери и душу мальчика захватила та ненасытная жажда, которую он страдал всегда. Жажда знаний, ученья...

С тех пор как началась его лихорадочно-рабочая жизнь в доме священника, нечего и говорить о том, что занятия в школе Васи должны были прекратиться. Не было теперь ни малейшей возможности посещать

мальчику школу. Но сам Вася хорошо знал цену книжных знаний и даже теперь старался не забыть того, что было пройдено им за два года ученья в школе. Долго лежал он с открытыми широко глазами, перебирая в мыслях все то, что учил за эти последние два года, припоминал до тех пор, пока не подкрадывался сон и не смыкал усталые глаза ребенка. А с рассветом начиналось то же, что было позавчера, вчера и нынче. Чего надо было ожидать и завтра... Вася выбивался из сил, стараясь своим трудом отплатить за хлеб, за соль приютившему его доброму человеку.

Глава четвертая

Было воскресенье. Только что вернулись из церкви всей семьей и готовились приступить к праздничному пирогу. Девочки с яркими ленточками в косичках, мальчики с особенно тщательно причесанными и густо смазанными помадой волосами. Батюшка, уставший после продолжительной службы с молебнами и акафистом, чувствовал себя нынче несколько разбитым.

– А где же Вася? – обводя стол глазами и не видя приемыша, обратился он к остальным детям.

– Бегаёт, верно, с мальчишками на улице! – без малейшей запинки сказал, как отрезал, Киря.

– Вася бегаёт на улице? Опомнись, что ты говоришь, Кирилл! – возмутился отец Паисий.

– А то нет? Я сам видел, как он...

– Вот неправда-то, – вступилась за мальчика тихая Люба. – Вася на могилку к матери из церкви прошёл, и ты напрасно на него сочиняешь. Нехорошо, Киря. Не виноват Вася, что лучше тебя знает историю.

– Как, что лучше Кирилла знает? – удивился батюшка. – Что это значит, расскажи, Люба.

Но Любочке показалось, что и так она сказала больше, чем следовало бы, и она сидела теперь крас-

ная от смущения. Как всегда, в таких случаях выступил в качестве оратора Митинька. К большому стыду и негодованию Кири, он рассказал подробно отцу о недавнем посрамлении брата в области знания истории.

– А и учится же Киря, папаша, кстати сказать, преотвратительно, давно вам пожаловаться на него соби-рался, – заключил свой рассказ Митенька.

По лицу отца Паисия проползла печальная усмешка. Увы, он и сам давно знал о нерадении и лени второго сына и давно уже думал о том, как помочь делу и исправить мальчика. Сейчас же эта мысль особенно настойчиво докучала священнику.

– Кирилл, и ты, Василий, подойдите сюда! – позвал он мальчиков по окончании обеда, к концу которого подоспел и Вася. Те подошли и остановились покорно около его кресла.

– А ну-ка, Вася, что ты знаешь, например, про выход евреев из египетского плена? – совсем неожиданно обратился к приемышу отец Паисий.

Этот внезапный вопрос смутил Васю. Он покраснел до ушей. Но тем не менее покорный всегда тому, что требовалось от него старшими, он и сейчас начал трепетным голосом рассказывать то, о чем спрашивал его отец Паисий.

– Хорошо, хорошо, – одобрял Васю добрый свя-

ценник, – очень хорошо, мой мальчик, видно, сильно любил ты свою мать и не хотел огорчать ее плохими занятиями в школе, что так хорошо запомнил все пройденное там.

– Ну-ка, а ты, Кирилл, что можешь мне рассказать, например, о Навуходносоре?

Киря, помнивший о Навуходносоре столько же, сколько о прошлогоднем снеге, совсем ошалел от неожиданности при этом заданном ему вопросе. Маня, всегда старавшаяся прийти на выручку любимому брату, старалась во что бы то ни стало сделать это и сейчас. Но, увы! И сама Маня была мало осведомлена об истории вавилонского владыки, потому что совсем уже неудачно, к полному посрамлению Кири, она из-за спинки отцовского кресла подсказала невпопад:

– Это был... это был царь египетский, при котором Моисей вывел иудеев из плена.

– Очень мило! Ты подаешь большие надежды, Манюшка, в области познаний, но лучше бы ты все-таки помолчала, – язвительно предложил Митинька, уничтожая взглядом сестру.

Та готова была расплакаться от стыда и злости.

– А ну-ка, ты, Василий, расскажи, кто был Навуходносор, по-твоему? – обратился теперь к Васе отец Паисий, так и не дождавшись ответа Кири. Мальчик сказал.

Просто и толково изложил он историю вавилонского деспота. Так же просто и толково отвечал он на вопросы батюшки по арифметике, грамматике и о начальных сведениях географии и истории. На подобные же вопросы, заданные ему отцом, никак не мог ответить Киря.

– Стыдно, Кирилл, стыдно, – с укором обратился к сыну батюшка. – Вместо того, чтобы радовать и утешать успехами отца, ты как себя ведешь? Как учишься? И ты, Маня, тоже... Большая девочка! Стыдитесь оба!.. А тебе, Кирилл, в последний раз говорю: не одумаешься, не опомнишься, возьму из гимназии, в ремесло отдам на выучку, а на твое место Васю помещу. Мальчик прилежный, радивый, к ученью горячий. Выйдет из него толк. А пока что ходи в свое училище, Василий, – обратился снова к своему приемышу отец Паисий. – Я платить за тебя стану и книги, какие надо, куплю. А вы, сестрица, работать его не заставляйте, пусть учится. Его мать за это помолится за нас...

– Да как же, братец, нам с Софкой вдвоем не управиться, – заволновалась Лукерья Демьяновна.

– Навуходоносор вот этот поможет. Ему куда больше полы мыть пристало, нежели в гимназии учиться, – вставил Митинька, окидывая презрительным взглядом брата.

Младшие дети засмеялись.

– Наводоносол, Новосол, Новосол! – с трудом выговаривая незнакомое слово и прыгая на месте, кричали Шура и Нюра.

– Носоль, Носоль! – пищал и трехлетний Лешенька. Киря даже побледнел от гнева и сжал незаметно от отца кулак, показал его детям. Потом злобно взглянул на Васю.

– Ну, покажу же я тебе Навуходносора! – произнес он чуть слышно сквозь стиснутые зубы по адресу последнего и с тем же злым лицом бросился вон из комнаты.

Теперь жизнь Васи несколько изменилась к лучшему. Он снова ходил в школу, как и при жизни матери, и только по возвращении оттуда работал на семью своего благодетеля. Но теперь эта работа казалась даже радостной Васе. После четырех-пяти часов, проведенных в училище, он чувствовал себя таким свежим, бодрым и обновленным. Даже придирки и вечные попреки Лукерьи Демьяновны не могли подействовать на его светлое настроение духа, с тех пор как он учился в школе, а на постоянные неприятности, причиняемые ему чуть не ежедневно после злополучной истории с Навуходносором Кирей, он старался как можно менее обращать внимания.

Однако Киря не хотел оставить Васю в покое. Ми-

тинька, всегда враждовавший с братом благодаря от-
вратительному характеру последнего, в недобрую ми-
нуту принес в гимназию злополучную историю про На-
вуходоносора, и Кирю теперь иначе и не звали това-
рищи, как под этой кличкой:

– Навуходоносор, хочешь, обменяемся булками?

– Куда ты задевал мою книгу, Навуходоносор? – по-
минутно изводили Кирю товарищи. А Киря выходил из
себя от злости. Во всей постигшей его неудаче он об-
винял одного ни в чем не повинного Васю и буквально
не давал проходу последнему.

Часто, отправляясь утром в школу, последний недо-
считывался той или другой тетрадки у себя в ранце,
того или другого учебника.

Или еще чаще, на чисто и тщательно переписан-
ной странице Васиной диктовки последний находил
несколько клякс, посаженных умышленно тем же Ки-
рой. Но мальчик молчал, никому не жалуясь. Вася тер-
пеливо выносил все нападки своего мучителя. И это
терпение, эта покорность еще более раздражали Ки-
рю.

– погоди, я еще не так тебе отплачу, будешь у ме-
ня Навуходоносора помнить! – грозился он вслед Ва-
се, когда тот торопливой походкой, с ранцем за плеча-
ми спешил в свою школу, полный радостного предчув-
ствия, короткого отдыха за милым учебным столом.

Там, в школе, все учителя любили и отличали мальчика за примерное отношение к ученью, товарищи за доброту и готовность прийти им на помощь во всякое время. И немудрено поэтому, что в училище свое Вася спешил, как на праздник, главным образом гнала его туда жажда знаний, знаний без конца.

И менее всего он обращал в такие минуты внимание на шипенье Кири, несшееся ему вдогонку:

– Погоди, дурак, радоваться! Покажу я тебе Навуходноносора! Будет тебе памятен вавилонский царь!

И злой мальчик сжимал кулаки и грозил ими вслед Васе.

Глава пятая

За слободою Марьинскою лежит большой, широкий пруд. Летом в нем водятся караси и окуни, и слободские мальчишки ловят их на удочку. Здесь в один из тихих, летних вечеров Киря Волынский свел знакомство с Ванькой Серым и Степкой Левшиным. Это были самые отчаянные оборванцы с дальнего противоположного конца города, где уютилась вся бесшабашная городская голь.

Ванька и Степка не помнили родства и все свое короткое детство и безотрадное отрочество провели на улице и в притоне, где водились только бродяги и мелкие воришки.

Им обоим было лет по четырнадцати. Ванька уже сидел однажды за кражу в тюрьме и очень гордился этим, а Степка останавливал прохожих по вечерам на улицах и, если ему отказывали в милостыни, осыпал их бранью, предварительно прикрыв себе лицо, чтобы его не узнали и не отдали полиции.

Вот с этими-то двумя достойными типами и познакомился Киря как-то летом во время рыбной ловли на слободском пруду. Сразу завязалась дружба между троими мальчишками. Кирю прельщало кажущееся молодечество и бесстрашие юных бродяг. Ему нра-

вилось их ухарство и бесшабашие, умение наводить страх на людей и ловко избегать рук полиции. К тому же Степка знал какой-то особенный способ приманивать рыбу, которым очень охотно поделился с Кирей. За это Киря обязался носить обоим друзьям из дома остатки обеда и куски хлеба, ловко унося их из-под носа у Софки и у самой Лукерьи Демьяновны.

«Летняя» дружба, о которой, впрочем, Киря благополучно умалчивал дома, перешла в «зимнюю». Мальчики встречались теперь на затянutom льдом слободском пруду, куда Киря бегал тайком от домашних. Друзья усаживались на скат берега, закрытый толстыми стволами осин, росших тут же, и здесь на сугробах снега делились впечатлениями. Киря продолжал доставлять сюда Степке и Ваньке необходимое пропитание, те же в благодарность угощали его скверными папиросами, набитыми махоркой.

Это случилось шестью днями позже истории с Навуходоносором.

Был тихий, февральский вечер. Друзья сидели на скате. Все трое курили. Оборванцы затягивались с видимым наслаждением, Киря с отвращением, которое всячески старался скрыть от своих собеседников. Скверный табак раздражал нос и горло, оставляя отвратительный привкус во рту.

– Так, говоришь, проходу не дают? Так все и драз-

няться? – сплевывая с каким-то особенным ухарством через зубы, спросил Степка Кирю, только что рассказавшего неприятные последствия об истории Навуходоносора своим новым «друзьям».

– Минуты нет покоя. Вся гимназия узнала. Носу показать в перемену нельзя. Говорят: городской «школьник насмерть закатал гимназиста». А во всем он виноват... Молчать бы ему перед папашей следовало, а он, на те, высунулся, вот, мол, глядите, – я умник какой!

– Ладно, мы этому умнику ум-то посрежем малость! – пробасил Ванька, затягиваясь папироской.

– Так я возненавидел, так! Смотреть на него не могу. Так бы глаза и выцарапал. Так бы и отплатил ему за всю его каверзу... – горячился Киря.

– От-пла-тил! – протянул презрительно Степка. – От-пла-тил... Туда же тоже. Где уж тебе, мозгляку этакому, оплачивать-то. Ты это нам поручи. Мы его в лучшем виде отработаем. Только держись! Ты сам не поспеешь только. Даром зря никто тебе в драку за другого не полезет. Вот что: уговор лучше денег, мильга: давай двугривенный на водку, так мы тебе его живо сократим.

– Нет у меня денег, – смутился Киря.

– А книжки есть? – хитро прищурился на него Степка.

– Какие книжки?

– Учебные, какие же еще! Вот-то бестолочь! Ты какую-нибудь продай, деньги и будут, – ухмыльнулся бродяжка.

– Ну уж нет, этого я не сделаю ни за что. Двугривенный у Маньки, сестры, возьму лучше, отдам ей на праздниках. Отец нам деньгами дарит, – решил Киря.

– Деньгами, говоришь? Эх я, простофиля-простофиля, что больше у тебя не спросил! – расхохотался Степка.

– Ничего, наш атлас не уйдет от нас! – вторил ему Ванька. – А теперь вот что, принеси сюда нам денежки, двадцать, как сказано, а вечером, будь покоен, подкараулим мы цацу вашу, Васиньку хваленого, и баню ему такую пропишем, что долго помнить будет, до новых синяков.

– Он вечером, после всенощной, к матери на могилу ходит, – пояснил Киря.

– Ладно уж, знаем, на дне морском сыщем. Не сумлевайтесь, ваше сиятельство, – расхохотался Ванька. Его достойный товарищ вторил ему. Кире оставалось теперь только исполнить требование бродяжек.

К чести мальчика, надо сказать, что далеко не с легким сердцем отправился домой Киря. Что-то больно пощипывало его за душу, что-то сверлило мозг при одном только представлении о предстоящей проделке с

Васею бродяг.

– Скажу им, чтобы не очень больно дрались, да чтобы сказали ему, за что учат его... – продолжал размышлять и на обратном пути к пруду Киря, успевший выпросить у Мани нужный ему двугривенный в долг на несколько дней.

И опять кольнуло раскаяние душу мальчика.

– Вы только не больно шибко деритесь! – чуть слышно и смущенно сказал он бродяжкам.

Те только расхохотались ему в лицо дерзким смехом.

– Никак разрюмился? А? Барышня вишь какая! То «отплатите за меня», то «не больно шибко бейте». Тля ты и больше ничего! – И презрительно сплюнув, Ванька отправился покупать водку в сопровождении Степки, насмешливо хихикавшего по адресу Кири.

Совсем расстроенный, Киря пошел от пруда...

Всенощная только что кончилась. Мягкие февральские сумерки темной сетью окутывали слободу, когда Вася, выйдя из церкви, направился по знакомой тропинке, в дальний угол кладбища, где под набухшим по-весеннему снегом лежал могильный холмик его матери. Кругом все было темно и тихо... Предвечная теплынь неуловимой струйкой носилась в воздухе. Вдали замирали живые звуки. Голоса прихожан

доносились сюда глухо и смутно. Вася опустил на колени. Крепко стиснул руки и вперил глаза в дальнее небо, такое высокое и прекрасное с дивными яркими звездами, похожими на чьи-то милые-милые глаза, и думал в эту минуту:

«Там, за этой парчовой сетью звезд, за бархатом февральского неба, находится сад чудесный и прекрасный и в нем дворец-чертог милосердного... Там вокруг трона его носятся бледнолицые серафимы и херувимы с такими кроткими, ясными улыбками. И среди них светлые души умерших, достойных и чистых людей. Его мать там же, среди них... Она стоит у подножья престола всевышнего и поет вместе с хором ангелов хвалебную песнь творцу. В этой песне – мольба и молитва за тех, кто живет на земле. И за него, Васю... О нем молится мама... За него просит бога... За то, чтобы господь помог ему Вырасти мужественным и сильным, чтобы он сумел отплатить добром за добро, сделанное ему отцом Паисием и его семьей». Да, Вася помнит одно только доброе, светлое, что получает от этой семьи. Ни вопреки Лукерьи Демьяновны, ни постоянные напоминания ее о том, что он «лишний рот и ненужная обуза семьи», ни угрозы Кири и брань его, ни насмешки Мани, ни пренебрежение Митиньки не вызывают ответного недоброго чувства к ним в сердце Васи. Ангельская доброта отца

Паисия, ласка малышей и дружба Любы покрывают с избытком темные стороны его жизни в доме священника.

Теперь Вася мечтает лишь об одном: выучиться бы поскорее всему тому, чему его обучают в школе, а потом поступить куда-нибудь на фабрику, куда берут подростков и где платят хорошие деньги. Тогда и он будет вносить свою посильную лепту в семью, будет помогать отцу Паисию, который сам бьется как рыба об лед, чтобы прокормить их всех. Вася знает, что слободской приход – самый бедный в округе, что отец Паисий не берет за требы с прихожан, знает, что церковную кружку, то есть добровольные сборы с молящихся, священник, за вычетом из нее доли причта, отдает на украшение храма.

И редкое бескорыстие отца Паисия трогает и умиляет Васю. И сейчас он молится о нем, молится с трогательной детской верой.

– Мамочка, любимая, родимая моя, – шепчет дрожащими губами Вася, – помолись ты за меня, родимая, умоли господа бога... Пусть даст он мне силу и крепость милосердный, отплатить за все добро моему благодетелю... Мама, мамочка, помоги мне там, у престола всевышнего...

Текут обильные слезы по худенькому личику... Тонут просветленные глазенки в безбрежности золото-

го звездного океана... И бьется, бьется трепетно, как птичка, маленькое сердце.

Было совсем темно, когда поднялся с колен Вася и тихо, не торопясь, пошел по кладбищенской тропинке от дорогой ему могилы... Мысли его все еще были далеко от земли, и умиленная душа была наполнена тихой умиротворенной грустью. Его прежнее острое отчаяние, вызванное смертью матери, теперь перешло в грустную тоскующую печаль. И эту печаль он носил постоянно в сердце.

Темный февральский вечер потемнел и сгустился заметно, пока мальчик молился и мечтал на дорожной могиле. Кладбищенские деревья пугали его своим зловещим видом в темноте. Белым саваном лежал снег на могилах и дорожках. Было что-то жуткое в предночной тишине и в спокойствии кладбища.

Вдруг резкий пронзительный звук, похожий на крик ночной птицы, пронзил эту мертвую тишину. И одновременно с этим две черные тени покрыли собою белую скатерть снежной дорожки, убегаящей вдаль. Две фигуры, крупнее и выше Васи чуть ли не на целую голову, выскочили из-за ствола ближайшего дерева и загородили мальчику дорогу.

– Что вам на... – начал было Вася, невольно подаваясь назад. И не докончил начатой фразы... Чьи-то сильные руки толкнули его в грудь, чья-то нога неожиданно...

данно подвернулась ему под ногу, и с криком испуга мальчик полетел в снег...

Вернувшись сегодня от вечерни, Киря чувствовал себя в самом отвратительном настроении духа. Атмосфера тихого убаглотворяющего душу покоя, благоговейная красота церковной службы всколыхнули озлобившуюся, мелкую, но далеко не жестокою и не злую душу мальчика. Еще там, в церкви, стоя перед образом спасителя, глядя в кроткое лицо его, озаренное огнями свечей, Киря почувствовал всю гнусность и несправедливость своего поступка. Он несколько раз взглядывал на стоявшего неподалеку от него Васю, и каждый раз сердце мальчика екало от мучительного сознания своей виновности.

Степка и Ванька уже на кладбище и ждут свою жертву... мелькало в голове Кири... Что, если бежать туда, предупредить событие? Или сказать Васе: «Не ходи сегодня к матери на могилу...» Тогда, может статься, легче и светлее сделается на душе?

Но не хотелось показаться смешным в глазах своих двух приятелей Степки и Ваньки, да и все еще клоковавшая в душе злоба против Васи мешали Кире привести в исполнение свое благое намерение, и он не предупредил Васю, не пошел отговаривать бродяжек, а по окончании всенощной направился прямо домой.

Здесь он уселся за чтение майнридовского «Всад-

ника без головы» – своей любимой книги. Но сегодня «Всадник», перечитываемый чуть ли не в десятый раз Кирею, совсем не удовлетворял мальчика.

И за вечерним чаем он сидел как на горячих углях. Ему все мерещились крики и вопли среди ночной тишины. Когда же отец Паисий, вернувшийся позже всей остальной семьи из церкви, спросил, где Вася, Киря не мог ответить ни слова отцу; так велико было его волнение. Наконец, не выдержав больше этой пытки, он незаметно схватил фуражку и пальто и выскочил на крыльцо. В ту самую минуту, когда мальчик, быстро пересчитав ногами ступени, кинулся по дороге к кладбищу, находившемуся шагах в ста от церковного дома, испуганный пронзительный вопль огласил ночную тишину. Это кричал Вася, голос которого Киря узнал бы из тысячи. Не помня себя, весь охваченный трепетом и отчаянием, Киря стремглав кинулся на эти крики, не отдавая отчета в том, что ему надо было делать.

Он подоспел как раз в ту минуту, когда Степка сидел верхом на шее Васи, глубоко вдавив его голову в снег, а Ванька изо всей силы молотил кулаками по спине жертвы.

– Стойте! Стойте! Не смейте его трогать! Вам говорят, довольно! – закричал, подбегая к бродяжкам, Киря так громко, что те сразу вскочили на ноги, выпустив

из рук Васю. Ванька, злой и всклокоченный, теперь подступил с сжатыми кулаками к самому Кире.

– Ты что это, такой-сякой, выдумал? А? Сперва добрых людей зря обеспокоил, а сам, вишь, предательствовать. Продавать нас вздумал? Да мы тебя за это, знаешь ли, во как...

– Так вот оно что! – зловеще протянул и Степка, тоже наступая на Кирю, – сам Христом богом молил: побейте, мол, проучите Ваську, а довелось на деле, так и того, крик поднял... Да мы, брат, тебя за это с Ванькой в порошок сотрем...

Но стереть «в порошок» Кирю так и не пришлось бродяжкам. Причетник Пахомыч с сыном сторожем услышали голоса и крики и спешили сюда с фонарями в руках. Завидя приближающихся к ним людей, оборванцы дали тягу... Дал тягу, по примеру их, и Киря. Вася, оглушенный и ошалевший от неожиданного нападения, медленно поднялся с земли и смотрел растерянными глазами на подоспевших к нему людей. Плечи и спина его больно ныли. Но, к счастью, бродяги не успели избить его так, как они намеревались сделать это. Появление Киры помешало им.

Теперь же, когда старик Пахомыч с сыном подошли к Васе и стали расспрашивать его обо всем случившемся, натянутые нервы мальчика не выдержали и он разрыдался навзрыд. Как ни был ошеломлен Вася, он

успел, однако, из слов нападавших на него оборванцев понять, кто толкнул их на это нападение. И причину Кириной мести он понял сразу.

Незаслуженная обида и боль пережитой несправедливости так глубоко затронули Васю, что ему казалась теперь чудовищной мысль вернуться в тот дом, где с таким явным недоброжелательством к нему, Васе, и злобной враждою жил Киря. С минуту колебался мальчик, отвечая невпопад на расспросы сторожа и причетника, допытывавшихся у мальчика, кто и за что его побил. И думал все одну, одну и ту же смутную думу: возвращаться ли ему домой, к его благодетелю, отцу Паисию, или же прямо отсюда пойти просить приюта и крова у добрых людей.

И вот словно из-под земли выросла перед Васей знакомая, милая фигура, в старенькой зимней, теплой ряске с развевающимися по ветру, рано поседевшими, длинными волосами.

– Васюк, ты? Ты это кричал недавно? Кто тебя обидел? Да объясни же мне скорее, – взволнованно и трепетно говорил отец Паисий, с быстротою юноши прибежавший сюда на кладбище на выручку своему любимцу.

И этот трепетный, полный участия и любви голос сразу потушил пламя возмущения и негодования, бушевавшее в сердце Васи...

Он взял обеими руками руку священника и благоговейно поднес ее к своим губам.

– Не извольте беспокоиться, батюшка, – произнес как только мог спокойно мальчик, – я жив и здоров. Какие-то уличные бродяги напали на меня, начали бить, да спасибо Кире, выручил... вовремя прибежал!

– Киря, говоришь? Да где же он, не вижу его что-то, – удивился отец Паисий.

– Должно быть, за вами побежал... – впервые говоря неправду, вспыхнул до корней волос Вася.

– Шибко побили они тебя? – волнуясь, допытывался священник.

– Нет, ничего... до свадьбы заживет.... – попробовал пошутить Вася.

– И как только прошмыгнуть успели они сюда, – негодовал батюшка, – Пахомыч, вели сыну получше караулить кладбище, – строго обратился батюшка к причетнику.

– Да я у всенощной был, батюшка, – оправдывался тот. – Да нешто углядишь за ними... Вечно народа здесь толкается!

– О господи, грехи наши тяжкие, сохрани бог! – вздыхал вместе с сыном и Пахомыч.

В этот вечер Вася, отказавшись от ужина, постарался как можно раньше юркнуть в свой уголок.

Ему были тяжелы далее сочувствующие расспросы

детей о случившемся.

Они растрavляли его сердце. И долго-долго не мог он забыть незаслуженную обиду, нанесенную ему Ки-рей.

Глава шестая

То, чего так боялся отец Паисий, наконец, случилось. Кирю исключили за нерадивость, лень и дурное поведение из гимназии.

Это был ужасный день, когда мальчик вернулся с книжками под мышкой из класса в неурочное время. Весь дом точно застыл в отчаянии.

– Дождался! – шипела Лукерья Демьяновна на племянника, когда тот шмыгнул мимо нее с низко опущенной головой в комнату мальчиков.

Люба только руками всплеснула.

– Бедная мамочка! Она все это видит с неба, каково это ей! – прошептала девочка.

Митинька только плечами пожал.

– Допрыгался! Давно предсказывал лоботрясу, что добром не кончит, – пропустил он сквозь зубы. Мания, первый друг и товарищ Кири, всячески старалась успокоить своего приятеля.

– В сапожники отдать его, а не утешать надо, – шипела тетка.

– В сапожники, – протянул за ней и Леша.

Это переполнило чашу. Киря, несдержанный и грубый даже с младшими членами семьи, теперь вышел из себя окончательно.

– Молчи, клоп, раздавлю! – крикнул он на Лешу.

Малютка испуганно шарахнулся в сторону.

– Попробуй только, – заступился за малыша Митинька.

К обеду совершенно расстроенный и бледный вернулся отец Паисий.

Когда он, сняв верхнее теплое платье, показался в столовой, вся семья ахнула.

На нем лица не было. Щеки дрожали, глаза растерянно моргали. Он то и дело нервно теребил свою полуседую бороду.

– Братец... Кирю-то... – начала было Лукерья Демьяновна и тут же смолкла, не досказав своей фразы.

– Несчастье случилось, – не слушая ее, произнес охрипшим от волненья голосом отец Паисий. – Деньги, все деньги, которые за три месяца службы причитались, все мое жалованье... потерял.

– Как? Что? – вырвалось у старших членов семьи одним полным испуга и ужаса возгласом.

– Ну, да, потерял. Возили икону чудотворную с Пахомычем в дальние Стопки за десять верст. Оттуда уехал, бумажник был со мною, отлично помню. Вознице на чай еще в Стопках давал... А подъезжаю к Марьинской нашей, хватать, нет бумажника. У мельницы останавливались, давали прикладываться к Царице Небесной мельнику с женою... Вносили Цари-

цу Небесную в избу, в это время и обронил, надо полагать... Ах ты, господи, как же мы жить теперь будем? – возгласами, исполненными отчаяния, срывалось из уст бабушки.

– Как жить будем, да уж и не знаю, как жить придется теперь, – неожиданно разразилась Лукерья Демьяновна, – мало того что лишний рот семье навязали, другого будущего дармоеда себе на шею посади-те, Кирю, сыночка вашего прелестного, полюбуйте-ся на него, братец, из гимназии исключили. А тут одно к одному: деньги, говорите, потеряли. Ну, стало быть, всей семьей побираться пойдем.

– Что вы, что вы, сестрица? Про кого вы это? Кого исключили? Кирю исключили? Из гимназии? О господи, боже мой, что я слышу? Верно ли, так ли, да говорите, ради Христа! – и еще более взволнованный, отец Паисий переводил со свояченицы на Кирю и с Кири на Лукерью Демьяновну испуганные, растерянные глаза.

Киря, с красным, как кумач, лицом, сидел с опущенными вниз глазами, уткнувшись в тарелку.

– «Словесности» бенефис закатили... Разыграли по-товарищески, всем классом, «словесность»... Другие-то увильнули, а я влопался, – посапывая от волнения носом, бросал нехотя Киря.

– Они кошками мяукали на русском уроке, а Киря

перышком, кроме того, в Алексея Ивановича пустил. Тот увидел и пожаловался директору. Директор Кирилл нашего с урока выгнал и велел не приходить вплоть до решения конференции. А решат известно что – исключать, – обстоятельно и толково пояснял Митинька.

– О господи, твоя воля! – сжимая обеими руками голову, произнес с отчаянием и тоскою отец Паисий. «И сын, и потеря... – еще тише, еще тоскливее мысленно договорил он. – Ах, Кирилл, Кирилл, не думал я, что ты на это способен!»

– Да когда мы по-товарищески, всем классом, – плаксиво затянул было Киря.

– Спасибо, сестрица, есть не хочу. Не до еды мне, – отодвигая от себя тарелку с супом, прошептал отец Паисий, помолившись на образ, вышел торопливо из комнаты.

– Добили вы папашу добрым известием, – враждебно глядя на тетку, бросил Митинька.

– Да как ты смеешь на меня накидываться! Да я виновата, что ли! – зашипела на мальчика та. – Да ради вас я здесь работаю с утра до ночи, кормлю, пою вас, нянчю неблагодарных, покоя с вами не вижу... А тут еще упреки они, видите ли, неудовольствие свое смеют тоже выражать. Ну потерял жалованье, стало быть, не берег, как следует... Стало быть, надеется,

что приход выручит, прихожане помогут. Богатей они у нас, что и говорить!.. А то пойдем все на паперть церковную, ручки протянем, авось православные и помогут, милостыню подадут. За добрые дела всякому воздается. Питомца в дом приняли, самим-то есть нечего, а... – ехидничала Лукерья Демьяновна.

– Довольно! Помолчите, ради бога, и без вас тошно, тетушка! – взмолился Митинька.

– А ты не задевай попусту, тогда и молчать буду! – огрызнулась та.

Печально прошел этот обед. Отец Паисий заперся в своей комнате. Тяжелые думы преследовали его. Положим, исключение Кири из гимназии не было особенным сюрпризом для священника; он знал, что это произойдет рано или поздно, и давно решил отдать мальчика в ту городскую школу, где учился Вася. Но все же известие это поразило его. Потеря же жалованья за три месяца заставила совсем опустить руки бедного отца Паисия. Как он будет жить с семьей эти долгие три месяца? Что потерянных денег уже не найти, отец Паисий в этом даже и не сомневался вовсе. Он не знал, не помнил, в каком месте обронил бумажник, на дороге ли или на мельнице. Во всяком случае, ехать искать его ночью не было никакого смысла, а до утра мало ли людей пройдет по проезжему тракту, и, разумеется, найдя бумажник, вряд ли кто решится

возвратить его по принадлежности. А как же жить все эти предстоящие месяцы без денег, на что кормить семью? Только нынче поутру получил свое жалование за четверть года отец Паисий и не успел занести его домой, прямо из церкви отправился с чудотворной иконой в Стопки. Сейчас он горько раскаивался в том, что не улучил минутку принести деньги домой... Но дело было сделано, деньги потеряны, и гнетущее отчаяние наполняло душу отца Паисия.

Незаметно спустился вечер. Зажглись на небе далекие звезды. Сплотилась синяя мартовская мгла.

Рано улеглись спать в этот вечер в церковном доме. Отец Паисий так и не вышел из своей спаленки ни к ужину, ни после него.

Долго копошился в кухне один только Вася, перемывая и перетирая посуду после ужина. Софка давно спала, сладко похрапывая у себя в чулане. А Вася, перебирая одну за другой тарелки и чашки, думал в это время невеселую думу:

«Опять упрекнула Лукерья Демьяновна, про лишний рот упомянула. А разве Вася не старается облегчить, чем может, свое пребывание здесь в доме? Он и уроки-то по ночам учит, чтобы не отнимать время от повседневной работы, и ничуть не меньше трудится с тех пор, как ходит в городскую школу. Конечно, зря про него Лукерья Демьяновна говорит. С горя это

она, с неудачи... Недохватки у них во всем в хозяйстве, а тут еще батюшка уймищу этакую денег потерял и ко всему вдобавок Кирю вон из гимназии выключили. Давно грозились выгнать, все ожидали этого, а все же словно обухом по голове ударило батюшку, как этакое несчастье подошло... А жаль Кирю... Много заботы и неприятностей причинил он ему – Васе, а все-таки жаль! За последнее время как-то приутих дома Киря... В глаза ему не смотрел, видно, стыдился своего поступка, каялся в нем. Совесть, видно, заела. Так как же не пожалеть его – бедного? Беспременно нужно будет помочь ему учиться, коли у него самого дело не клеится. Только где уж там! В городском училище, чай, меньше, нежели в гимназии, учат, так здесь Кире куда привольнее будет и сделается здесь Киря настоящим царьком. Это-то и хорошо... Батюшку отца Паисия, может, хоть тут-то утешит... Бедняга отец Паисий! Этакую уймищу денег потерять! Кабы знал он, Вася, что на мельнице, сейчас бы, кажется, туда побежал, на ночь не глядя... А что, ежели и вправду побежать? Захватить у Пахомыча фонарь по пути, да и дойти весь путь до дальних Стопок».

Мысль эта как вихрь пронизала голову Васи. Неудержимо захотелось мальчику выручить из беды благодетеля, попытаться хотя бы немного помочь ему, и он уже не раздумывал больше. Ни поздняя ночь, ни

дальнее десятиверстное расстояние не могли удержать мальчика. Быстро dokonчив уборку посуды, он наскоро оделся, захватил шапку и вышел за дверь, плотно притворив ее за собою.

– Тихо у нас в слободе, да и в церковный дом не придут воровать, – соображал мальчик, направляясь в дальнюю дорогу.

Ночь стояла темная, безлунная. Путь лежал через лес. Мрачная темень невольно пугала юного путешественника. Призрачными тенями отпечатывались старые березы и липы на снегу.

В трех верстах от слободы Марьинской лежала водяная мельница. Там и зимою, когда не было работы, жила мельникова семья, хозяева с дочкой. Но три версты темным непроглядным лесом показались целой вечностью одиноко шагающему мальчику. Не трусливый от природы, Вася испытывал, однако, некоторую боязливость среди страшных великанов-деревьев и принявших фантастические формы придорожных кустов. Ручной фонарик, захваченный у Пахомыча, освещал дорогу. Вася шагал быстро, настолько быстро, насколько мог. Он то и дело поворачивал то вправо, то влево свой фонарик, низко наклоняя его к земле, в надежде увидеть потерянный батюшкою бумажник.

Но последнего нигде не оказывалось. От постоян-

ного нагибания у Васи заболела спина, ноги же мальчика дрожали от усталости. С ужасом думал он о том, что ему предстоит еще пройти так целый долгий путь, чуть ли не ползком, едва не касаясь земли, если бы, паче чаяния, бумажник не оказался на мельнице. Почти выбившись из сил, мальчик достиг, наконец, деревянного строения с огромным колесом сбоку. Река, еще скованная льдом, молчала между белыми, по-зимнему убранными берегами. На мельнице было тихо. В окне избенки-пристройки светло мигал огонек «божьего глаза», лампадки перед киотом. Семья мельника уже, по-видимому, спала крепким сном. Вася перенес фонарь из одной уставшей руки в другую и почти ползком пополз к крыльцу, не переставая оглядывать зоркими молодыми глазами каждую пядь дорожки.

Но оброненный батюшкою бумажник все не попался на глаза. Наконец мальчик добрался до самого крыльца и стал тщательно обшаривать его ступени. Он так ушел в свое дело, что не заметил, как откуда-то сбоку, с заднего выхода показался распоясанный, в одной нижней одежде мельник и стал в свою очередь зорко следить за мальчиком, ползавшим с фонарем в руках по ступеням крылечка.

– Ага! Попался! Чтой-то ты никак по чужим сеням хозяйничать ходишь. Стой, брат... Не уйдешь! – И

огромная полосатая рука мельника схватила Васю за шею. Фонарь выпал от неожиданности из рук мальчика и потух.

– Дяденька, не думайте, ради Христа, что я воровать у вас вздумал... Я Вася, приемыш отца Паисия, – торопливо залепетал он. – Отец Паисий здесь бумажник свой обронил. Все деньги, какие у него ни на есть, в бумажнике были... Может, здесь обронил, может, у вас оставил, а может, и при выезде из дальних Стопок потерял. Только в горе он страшном, сам не свой; ни есть, ни пить не может... Уж и не знаю, что с ним будет, если бумажник не найдем.

– Так это он тебя ночью на поиски послал за бумажником, паренек? – совсем уже иным тоном проговорил мельник.

– Нет, как можно, как можно! Он даже и не знает, что я из дому ушел, что вы, дяденька, – далее руками замахал на него Вася.

– Ну, коли так, пойдем в избу. Может, и привалит тебе счастье, паренек, найдешь бумажник...

– Да что вы, дяденька, неужто ж найдем? – не смея верить своим ушам, обрадовался Вася.

– Коли поищем хорошенько, стало быть, и найдем, – усмехнулся мельник и легонько за плечи подтолкнул мальчика в сени. Его жена, молодая еще женщина, с ребенком на руках вышла из-за ситцевой за-

навески, разделявшей надвое горницу, и уставилась на Васю изумленными глазами.

– Да как же это ты один пришел не глядя на ночь, такой маленький? – ахала она. – Да не тебя ли, к слову сказать, на прошлой недели посадские поколотили городские.

– Меня, – тихо отвечал Вася.

– Подучил их священников мальчонка, я слышала? – допытывалась дальше любопытная мельничиха.

– Мало ли что бывает! – уклончиво отвечал Вася.

– Ну, а таперича сам ты пришел, либо отец Паисий прислал?

– Сам.

– Ишь ты, храбер больно! Тут в лесу у нас посадские тоже зачастую бродят. Не ровен час до греха. Молод ты еще...

– Отец Паисий бумажник обронил, найти бесприменно было надо.

– Нашли, нашли бумажник! Сразу догадались, что батюшкин, завтра поутру отнести ладили. Нынче-то поздно... Нашли под вечер на дорожке. Как, значить, подымали Владычицу, так тут же и выпал он у батюшки, – говорила словоохотливая баба.

– Отдали бы, небось утречком бы и занесли, – вторил мельник.

– Ах, не надо ждать до утра... Батюшка беспокоится очень, спать не будет, – так весь и заволновался Вася, – пойдемте сегодня же, ради бога, пойдемте, батюшка так обрадуется, право!

– А и пряткий же ты паренек, – засмеялся мельник. – Ну, что мне делать с тобою, идти так и идти. Подавай одежонку, баба, ишь генерал торопить надумал. Ослушаться их превосходительство никак нельзя.

Насколько тяжелым и трудным показался Васе путь на мельницу, настолько радостной и приятной была обратная дорога домой. Мальчик несся как на крыльях, бодро шагая о бок с мельником, забыв усталость. Вот миновали они опушку, прошли слободское поле и вошли в слободу. По-прежнему все спало кругом. Только в окне горницы отца Паисия светился поздний огонек.

– Не спит бедный, тревожится, – пожалел Вася священника, входя в сени.

– Батюшка, отец Паисий, нашелся бумажник. Мельник Захар нашел, – бодрым веселым голосом проговорил мальчик у дверей горницы. Тот стремительно встал со стула и истово перекрестился на киот, озаренный лампадою.

Вошел Захарыч.

– Уж прости, батюшка, поздний гость, да приемыш твой ждать не дозволил дольше. Сейчас, говорит, носи находку, Захар, к батюшке. Ну как есть командир, генерал, право слово! А денежки извольте пересчитать все же... Денежки счет любят, – подавая бумажник отцу Паисию, закончил Захар.

Была уже поздняя ночь, когда ушел мельник, отказавшийся от всякого вознаграждения за свою находку, а отец Паисий все еще не отпускал от себя Васю, в который уже раз заставляя его рассказывать о том, как надоумился он пойти искать бумажник на мельницу, как шел по лесу, как шарил с фонарем по дороге.

Запели первые петухи в слободе Марьинской, когда, наконец, отец Паисий, обняв и благословив Васю на сон грядущий, отпустил его спать. Но еще до сна долго ворочался на своей убогой постели священник и думал:

– Истинное сокровище послал мне господь! Кабы хоть малость походил Кирилл мой на Васю, лучшего и желать не надо. Эх, Киря, Киря, много забот и горя принес ты отцу.

Только с восходом солнца, когда проснулась слобода, сомкнул в это утро усталые глаза отец Паисий.

Глава седьмая

– Синяя говядина! Синяя говядина! Почем за фунт? Смотрите, братцы, синяя говядина к нам пожаловала! – весело кричали школьники, окружая Кирию, пришедшего нынче впервые в класс.

– Был барин барином, гимназистом, вашим благородием, а нонче не лучше нас, грешных, стал! – подсакивая к Кире, пищал умышленно тонким голосом какой-то шалун.

– Оставьте его, братцы! – унимали школьников их более благоразумные товарищи.

Кирия, впервые пришедший сегодня в школу, чувствовал себя совсем несчастным и пришибленным здесь. Слободские мальчишки имели привычку дразнить городских гимназистов, называя их «синюю говядиную» за синий цвет мундирчиков, одеваемых теми, кстати сказать, в самых редких случаях жизни. Но Кирия не думал, что его, сына священника, всеми любимого отца Паисия, здесь так встретят. Он нечаянно взглянул на Васю, как бы ища в нем защиты.

Тот уже был среди расшалившихся мальчуганов.

Один из них подбежал к Кире, дернул его за фалду куртки и пробасил:

– Господин гимназист, ваше высокородие-сковоро-

дие, где свои блестящие пуговицы растерял?

– Первые да будут последними... Из гимназии да в школу прямым путем-дороженькой! – вторил ему в тон другой мальчуган.

– Иванов! Тебе не стыдно? – крикнул на него Вася. – Попроси у меня задачу объяснить – ничего не получишь за такие каверзы.

Голос всеобщего любимца возымел свое действие. Мальчики отхлынули от Кири, оставили его в покое.

Учительница русского языка должна была в нынешний урок делать диктовку. Она вызвала Кирю писать на доске, в то время как остальные мальчики писали у себя в тетрадках. Не прошло и пяти минут с начала работы, как Киря услышал позади себя сдержанные смешки и насмешливые возгласы:

– Вот так гимназист!

– Да он грамоты и не нюхал, братцы!

– Ай да синяя говядина! Видно, был последний из последних учеников.

Анна Ивановна взглянула на доску и тоже ахнула. Диктовка Кири была вся испещрена ошибками.

Теперь уже даже Вася не смог спасти Кирю от насмешек. После урока мальчики гурьбою окружили доску с диктовкою и осыпали Кирю градом насмешек.

Тот стоял красный, злой, надутый... И вдруг сжал кулаки и, прочищая ими дорогу, кинулся из класса.

Забыв в училище пальто и шапку, Киря мчался теперь по слободской улице... Отсюда завернул в поле, из поля – в лес... Он не замечал ни ветра, ни хлопьев мокрого снега, падавшего с самого утра. А опомнился только тогда, когда был уже далеко от слободы и ее обитателей. Тут он бросился ничком на мокрый снег и разразился беспомощными горькими слезами.

Обида, душевная боль, раскаяние в прошлом нерадении – все это сразу потоком затопило его душу. Он понимал отлично, как неглупый от природы мальчик, что винить ему некого, что он во всем виноват один. И слезы его лились неудержимо. Опомнился Киря тогда только, когда холод стал пронизывать его насквозь и все тело его дрожало, как в лихорадке. Он сделал усилие над собою, поднялся с земли и медленно поплелся к дому.

В этот день Киря не вышел к обеду и спозаранку завалился спать, ссылаясь на головную боль и лихорадку.

А на следующее утро Лукерья Демьяновна, заглянувшая в уголок к племяннику, вскрикнула от испуга. Все лицо мальчика было покрыто красноватыми пятнами, глаза неестественно блестели, а сам он горел, как раскаленная печь.

Доктор, приведенный отцом Паисием, долго осмат-

ривал, выстукивал больного и покачивал головою. Наконец он отошел от постели Кири, метавшегося в жару, и, тщательно намыливая себе у рукомойника руки, сказал с трепетом ожидавшему его приговора отцу Паисию:

– У мальчика заразная болезнь. Это злющая форма рожи. Она прилипчива при прикосновении к больному. Отделите других детей, да и сами остерегайтесь. Повторяю, болезнь заразительна и очень опасна.

У отца Паисия руки опустились при этом известии. Он не хотел отпустить Кирию в больницу. Мальчик был, как и все дети, бесконечно дорог отцу, и он желал иметь его около себя дома. А в то же время сам он не имел возможности и времени ухаживать за больным. Просить же об этом Лукерью Демьяновну он и не рискнул бы, зная ее отношение к Кире. А больной мальчик так нуждался в уходе и попечении...

Две скупые слезинки выкатились из глаз священника и покатались по изможденному, страдальческому лицу.

Так был жалок отцу Паисию его бедный больной Кирия! Все негодование, весь гнев, вполне заслуженный мальчиком, исчез из груди у отца при виде больного сына.

– В больницу не отдам, а самому ухаживать не придется. Утром и вечером служба церковная, днем тре-

бы... Ночью только... А днем-то кто ему бедняжке лекарства подаст, кто услужит ему, кто напоит водою?.. – вырвалось вслух из груди отца Паисия, и глаза его взглянули с печалью на горевшего в жару Кирию.

Чья-то невысокая фигурка метнулась от двери и неслышно приблизилась к священнику. Детская хуленькая рука легла на его руку.

– Не беспокойтесь, батюшка, Кирия один не останется, я за ним похожу. Я не боюсь заразы. И в больницу его отвозить не придется, – прозвучал тихий голос. Это был Вася.

Отец Паисий живо обернулся к мальчику и обнял его.

– Спасибо, родимый... Только береги себя, опасайся голыми руками прикасаться к больному... Дезинфекцию делать надо, спиртом натираться, прежде чем к нему подходить. Ведь если заболеешь ты, Васюта, никогда не прощу себе того, что разрешил ухаживать тебе за Кирей. Храни тебя господь, мальчик мой милый! – И отец Паисий благословил широким крестом своего приемыша.

С этого часа началась новая жизнь для Васи. Он буквально не отходил от постели больного. Безропотно вынося стоны и вопли нестерпимо мучившегося Кири, он просиживал подле него, не отводя глаз с красного как кумач, обезображенного и вздутого лица

больного. Терпеливо клал на темя больного промасленные тряпки и давал лекарства по часам. А процесс болезни все ускорялся и ускорялся к худшему.

Кирия уже не стонал, не жаловался, не капризничал больше. Он лежал пластом без движения, и дыхание со свистом вылетало из его груди. А по ночам отец Паисий, присоединявшийся к Васе, чтобы сменить его на несколько часов, мог слышать бессвязный бред и заплетающиеся речи больного сына...

Вася находился тут же, несмотря на все уговоры священника отдохнуть, выспаться до утра... Иногда он, обессиленный, сваливался в кресло и на час-другой засыпал как убитый.

Лукерья Демьяновна, Митинька и Маня всячески обходили «заразную» комнату, где в страшных муках терзался Кирия. Они, боясь заразиться и заболеть, не ходили туда сами, не пускали и младших детей. Несколько раз Любочка порывалась навестить брата, и всякий раз Лукерья Демьяновна отводила ее от двери комнаты, где лежал больной.

– Отец там, и ладно! Ему, как отцу, сам бог велел нянчиться с больным. А если Василий заразится и умрет, беда в этом небольшая... Кому он нужен? Сирота круглый, господь к месту только приберет, – говорила она.

– А нас от лишнего рта избавит, не правда ли, те-

тушка? – не мог не уколоть ее в таких случаях Митинька.

– А как этот лишний рот, забыли разве, не покладая рук на нас работал? А услугу какую отцу оказал, отыскав деньги, а сейчас сколько пользы около больного Кири приносит? – вступилась за Васю и Маня.

Лукерья Демьяновна невольно смолкала на все эти аргументы и прикусывала язык. За последнее время она сама стала убеждаться понемногу, что Вася – это драгоценное приобретение и находка для их семьи. Теперь уже о лишнем рте не было и речи. Теперь Лукерья Демьяновна при встречах и в коротких неизбежных разговорах с мальчиком была много ласковее и добрее к нему. Впрочем, не одна Лукерья Демьяновна. И Митинька, и Маня совершенно иначе сейчас относились к Васе... И они признали в нем доброго геня семьи.

Ночь... Весенняя ночь начала апреля. Ползут легкие сумрачные тени по слободе, по кладбищу, по двору с крошечным полисадником, окружающим домик священника. Где-то скользит высоко бледная, одинокая луна... В церковном доме тихо... Все спят... Царит молчание в крошечных горницах. Отец Паисий, измученный за день исповедниками (идет седьмая неделя Великого поста), дремлет, обессиленный, в кресле.

Вася только что переменял повязку на лице Кири, намазав ее свежей мазью, только что дал лекарство больному, которое он аккуратно дает по часам, помня завет доктора, что только от тщательного, педантично-аккуратного лечения зависит спасение Кири, его слабо теплющаяся жизнь, и теперь озабоченно склоняется над спящим или бесчувственным Кирею. Вот уже несколько дней как будто дыхание Кири ровнее, лучше... И бредит он реже и лежит спокойнее... «Не есть ли это отдаленный призрак начала выздоровления?» – робко думает Вася.

А бледная луна все скользит по небу. Заглядывает в окно... Огонек лампад уступает место ее слабому лучу, упавшему на обезображенное промасленной повязкой лицо больного. Вася наклоняется ниже к этому бедному страшному лицу. И кажется ему, как будто глаза Кири, выглядывающие черными точками сквозь отверстия бинтов, смотрят на него... А изо рта, оставленного тоже на свободе, вылетают какие-то слабые звуки.

– Кто тут? – слышит Вася хриповатый Кирин голос. Неожиданная волна радости захватывает мальчика... Киря заговорил, значит, ему легче, пришел в себя, значит, выздоровеет, значит, будет жить Киря! – ликующим вихрем мыслей пролетело в голове Васи.

– Что тебе, милый, что? – нежно-нежно и ласко-

во-ласково спросил он больного.

– Кто тут? – снова глухо сорвалось с запекшихся Кириных губ.

– Твой папаша и я. Мы оба. Устал папаша, задремал на полчасака... Я – с тобой, я – Вася сейчас.

– Ты? Василий. Пить дай, – скорее угадал, нежели расслышал Вася.

С трогательной заботливостью приподнял он одной рукой обезображенную болезнью опухшую голову Кири, другою поднес стакан к его запекшимся губам.

– Ты что же это, давно торчишь здесь около меня? – вырвалось из запекшихся губ больного.

– Да вот, пока ты болен...

– Давно я болен?

– Давно.

– Лучше мне нынче. Сам чувствую... А кто тебя заставил за мною ходить?

– Что? – не понял Вася.

Но больной уже не расслышал его вопроса. Кирия снова впал в забытье или снова заснул.

– Легче и впрямь, поправляется, слава тебе, господи; слава тебе! – с судорожной радостью мысленно произнес Вася. – Ишь, и потеть даже начал.

Он сам не мог вспомнить потом, как забылся в эту ночь.

Как камень на дно, упал Вася словно в какую-то

темную пропасть. Спал он крепко, облегчающим тело бодрым сном. И проснулся вдруг, сразу, от легко-го прикосновения к своей руке, свесившейся с ручки кресла.

Уже светало. Весеннее утро пробивалось в комнату. Отец Паисий уже ушел к ранней обедне приобщать вчерашних исповедников.

Был Великий четверг. Все это сразу промчалось зарницей сознания в голове Васи, и он открыл глаза.

На него в упор глядели два черных лихорадочно блестящих отверстия глаз Кири среди белых повязок и бинтов. Глядели, не отрываясь, в то время как исхудавшая до неузнаваемости рука больного лежала на руке Васи.

– Что ты, родимый, что ты? – так и востепенулся тот. – Нужно тебе что? Пить, что ли, хочешь?

Но Киря молчал. И только все смотрел и смотрел на Васю такими ищущими, такими спрашивающими глазами. И вдруг совсем неожиданно сверкнули две слезинки в этих черных, блестящих глазах и смочили повязку.

– Вася, – вырвалось так же неожиданно, как и слезы у больного. – Вася... я ведь знаю... я помню... как открывал глаза, ты все около... не отходил от меня... нянчился... Папашу да тебя помню у своей постели... Папаша-то, отец родной... Понятно, что нянчился...

А ты-то?.. Ведь я тебе немало горя доставил, Вася... Побили ведь тебя за меня... Степку и Ваньку это я подговорил ведь... Страсть зол был на тебя за Навуходоносора... Свинья был... негодяй... А ты-то!.. Божья душа, чем ты отплатил мне, Василий! – Тут запекшийся рот Кири искривился судорожной гримасой, а из черных отверстий белой маски снова брызнули слезы – целый поток слез.

Кирия рыдал теперь неудержимо, сжимая худенькою рукою пальцы Васи... Рыдал, содрогаясь всем своим измученным за дни ужасного недуга телом.

– Что ты, родимый, что ты, господь с тобою, перестань, заболеешь хуже! – склоняясь над ним, обнимая его и глядя его худенькие трепещущие плечи, лепетал Вася.

– Прости, прости!.. – только и слышалось в ответ. Наконец, Васе удалось кое-как успокоить больного. Кирия, истерзанный слезами и слабостью, с упавшими нервами, заснул, забылся снова.

С этой ночи началось медленное, но верное выздоровление мальчика. А через две недели едва державшийся на ногах от слабости Кирия бродил по комнате, опираясь на руку Васи...

Надо ли добавлять, что самая тесная, самая бескорыстная дружба установилась между обоими мальчиками. Болезнь, перенесенная Кирей, самым благо-

детельным образом повлияла и на его душевное настроение. Великодушие Васи, его самоотверженный уход за ним, больным и слабым, заставили желать Кирию хоть несколько, хоть чуточку, походить на своего нового друга. Он стал подражать ему во всем. Стал прислушиваться к его мнению, принимать его советы.

И учиться стал лучше Кирия. Они занимались теперь, сидя вместе с Васей, готовили уроки, читали, гуляли вдвоем в свободное время. И работать дома по хозяйству не менее Васи стал Кирия.

Отец Паисий, Лукерья Демьяновна, Митинька и младшие дети не могли надивиться на него.

– Подменили нашего Кирию. Узнать нельзя мальчика, – радовались домашние.

В училище никто уже не задевал Кирию, не издевался над ним. Тяжелая ли болезнь, перенесенная мальчиком, или успехи в науках, или заступничество и дружба Васи возымели свое действие, но школьники не трогали больше мальчика. Впрочем, он не долго оставался здесь в училище.

Через полгода после болезни Кири получил новое назначение в другой город отец Паисий и уехал туда из Марьинской со всей семьей. Уезжал с ними Вася, увозя с собою в ладонях горсть земли и несколько травинок с могилы матери.

В новом городе была гимназия, куда отец Паисий и

отдал сыновей и Васю.

Дружба мальчиков росла и крепла с каждым днем, как росла и крепла привязанность всей семьи Волынских к приемышу.

Теперь даже уже со стороны Лукерьи Демьяновны о лишнем рте не было и помину. «Лишний рот» превратился в доброго друга семьи, в человека необходимого, нужного, дорогого...

И Вася, после долгого времени тоски и одиночества после смерти матери, почувствовал себя снова дома, в родной семье, где его любили, где его ценили и считали родным, близким и своим.

Одного только не понял мальчик, не понял того, что он сам был обязан своему счастью, сам завоевал, упрочил и достиг его...

Врожденная скромность Васи не позволила приписывать себе какие бы то ни было достоинства, и все свое благополучие он относил к великодушию своего благодетеля отца Паисия и его семьи...